Под сенью Зигфрида

Гитлер и новая религия для восточных славян

Михаил Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник и главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА).

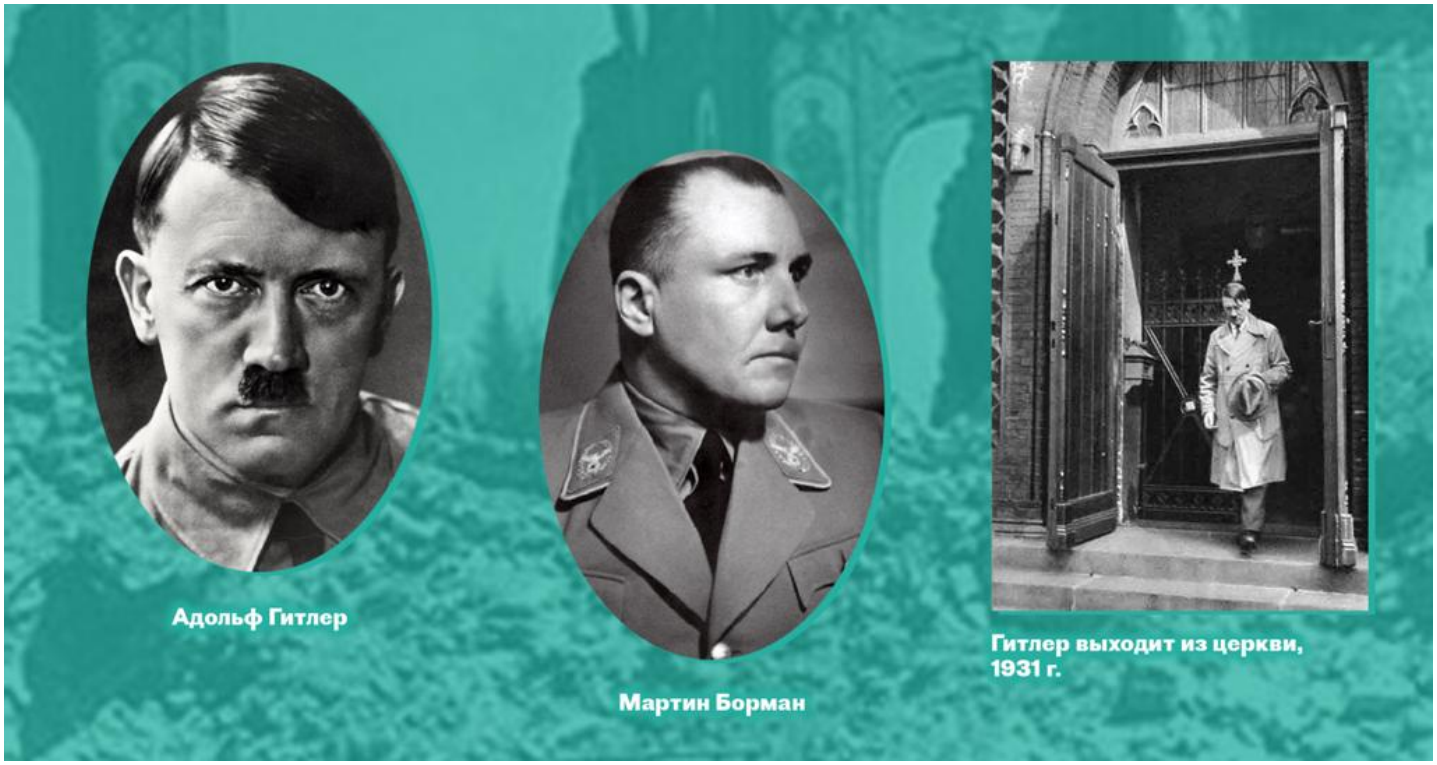
Предпринимая нападение на СССР, нацисты рассчитывали активно использовать религию в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики как в Германии, так и на захваченных ими территориях в Европе. Методы и практика нацистской церковной политики, опробованные до 1941 года в различных покоренных европейских странах, были перенесены на религиозные организации в Советском Союзе. Кроме того, данная политика определялась здесь в значительной степени общим негативным отношением к славянам и к русским в частности. При этом политика нацистской Германии в отношении Православных Церквей, прежде всего Русской, претерпевала существенную эволюцию и разделяется на два различавшихся между собой этапа: до июня 1941 года и после.

Имелась большая группа факторов, определявших позицию немецких ведомств в этом вопросе: пропагандистский, идеологический, военный (ситуация на Восточном фронте), международный и

др. При всем различии этих позиций решающую роль играли директивы высшего руководства нацистской партии и лично А. Гитлера, что и позволяет говорить о существовании единой направляющей линии.

Существовало несколько германских государственных организаций, занимавшихся делами Русской Церкви. По степени жесткости их позиций они распределялись следующим образом: самую мягкую занимало Рейхсминистерство церковных дел, далее следовало Верховное командование вермахта и военная администрация в России, затем Рейхсминистерство занятых восточных территорий (РМО), которое со временем пошло на некоторые уступки Православным Церквам, значительно большей жесткостью отличалось Главное управление имперской безопасности (РСХА) и уже открыто враждебной была позиция руководства нацистской партии – начальника Партийной канцелярии М. Бормана и самого А. Гитлера.

На первом этапе германские ведомства (главным образом Рейхсминистерство церковных дел) оказывали определенное покровительство Зарубежной Русской Церкви, в то же время целенаправленно проводя политику унификации православной диаспоры в Третьем рейхе. Развернутая таким образом кампания была рассчитана на международный пропагандистский эффект. Нацистский режим хотел предстать в глазах общественности антиподом советского правительства, именно в 1930-е годы наиболее активно преследовавшего Русскую Церковь. Кроме того, ставились цели смягчить неблагоприятное воздействие проникших за границу сведений о начавшихся притеснениях Католической и Лютеранской Церквей, а также расположить к рейху населенные православными балканские государства – Болгарию, Румынию, Грецию и Югославию. Со временем Рейхсминистерство церковных дел стало преследовать и свою цель, не разделявшуюся другими ведомствами, – создание самостоятельной наднациональной Германской Православной Церкви.

После начала весной 1941 года военной агрессии рейха на Балканах, а в июне – против СССР прежняя политика претерпела сильные изменения (первые признаки этих изменений были заметны уже в Польском генерал-губернаторстве в 1939-1940 годах). Возобладало враждебное отношение к Русской Православной Церкви. На нее были распространены и даже значительно усилены методы давления, уже опробованные по отношению к другим конфессиям на территории самой Германии, где направляющая линия в решении «религиозного вопроса» была ориентирована на разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых структур, «атомизацию» Церквей. Русскую Церковь также пытались раздробить на несколько не сообщающихся между собой частей (главным образом по национальному признаку), эти части поставить под полный контроль и при этом стремились использовать церковные организации для помощи администрации на оккупированных территориях и в пропагандистских целях. С этим было связано и изменение отношения к русскому духовенству в эмиграции – его старались полностью изолировать от событий в России и от пленных или вывезенных в Германию на работы соотечественников.

С июля 1941 года проблема Православных Церквей попала в сферу интересов важнейших нацистских ведомств – Партийной канцелярии, Главного управления имперской безопасности, Рейхсминистерства занятых восточных территорий и МИД. Рейхсминистерство церковных дел было «отодвинуто на задний план», на оккупированные территории СССР его вообще не допустили. В случае военной победы Третьего рейха Православной Церкви пришлось бы столкнуться с новым, третьим этапом нацистской церковной политики. В РСХА и Партийной канцелярии разрабатывались планы постепенной ликвидации этой Церкви и создания новой

религии для занятых восточных территорий.

При всей первоначальной внешней разнице нацистской и довоенной советской (1920-1930-х годов) религиозной политики между ними было много общего. Это хорошо видно на примере области Вартегау (район Познани), которая была в 1939 году избрана «испытательным полигоном» для нацистских церковных экспериментов. Как и в СССР, там были закрыты монастыри, вся религиозная деятельность низводилась до уровня общин.

С началом войны в СССР нацисты решили дать небольшие послабления православным на оккупированных территориях. В нескольких указаниях говорится о том, что религиозной деятельности местного населения не следует препятствовать, но и о поощрении речи не идет. Был даже подготовлен проект так и не принятого закона о свободе религиозной деятельности на Востоке. Впрочем, подписать этот закон было, вероятно, выше сил Гитлера из-за его внутренней антихристианской позиции, а не только из-за опасения отрицательного для нацистов воздействия указа на Церкви в самой Германии. Реальная религиозная политика германской оккупационной администрации также имела много общего с довоенной советской. В своем приказе от 16 августа 1941 года шеф РСХА Гейдрих приказывал подразделениям полиции безопасности и СД постоянно сообщать о развитии ситуации в церковной области в оккупированной части СССР.

Одной из особенностей нацисткой религиозной политики являлся тот факт, что в отличие от советских деятелей, почти все руководители Третьего рейха были мистически, псевдорелигиозно

ориентированы и уделяли этой стороне заметное внимание. С конца 1930-х годов разрабатывались и планы создания «новой религии». Об одном из них, вероятно, добытом американской разведкой, говорилось в официальном заявлении президента США Рузвельта конца 1941 года. Примерно в 1939 году другой детальный, поэтапный, рассчитанный на 25 лет «План национал-социалистической религиозной политики» разработала служба рейхсляйтера А. Розенберга. В нем говорилось о необходимости через 25 лет ввести обязательную для каждого гражданина нацистскую государственную религию. Таким образом, в случае выполнения этого плана традиционные конфессии ждала бы печальная судьба.

Уже в августе 1941 года, через два месяца после начала войны с СССР, в соответствии с личными указаниями Гитлера была выработана основа направляющей линии в церковном вопросе на Востоке. Германские органы власти должны были лишь терпеть Русскую Церковь и при этом содействовать ее максимально возможному дроблению на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против рейха. Но также ставились задачи пропагандистского использования Православия как духовной силы, преследуемой советской властью и потенциально враждебной большевизму, и применения церковных организаций для содействия германской администрации на оккупированных территориях.

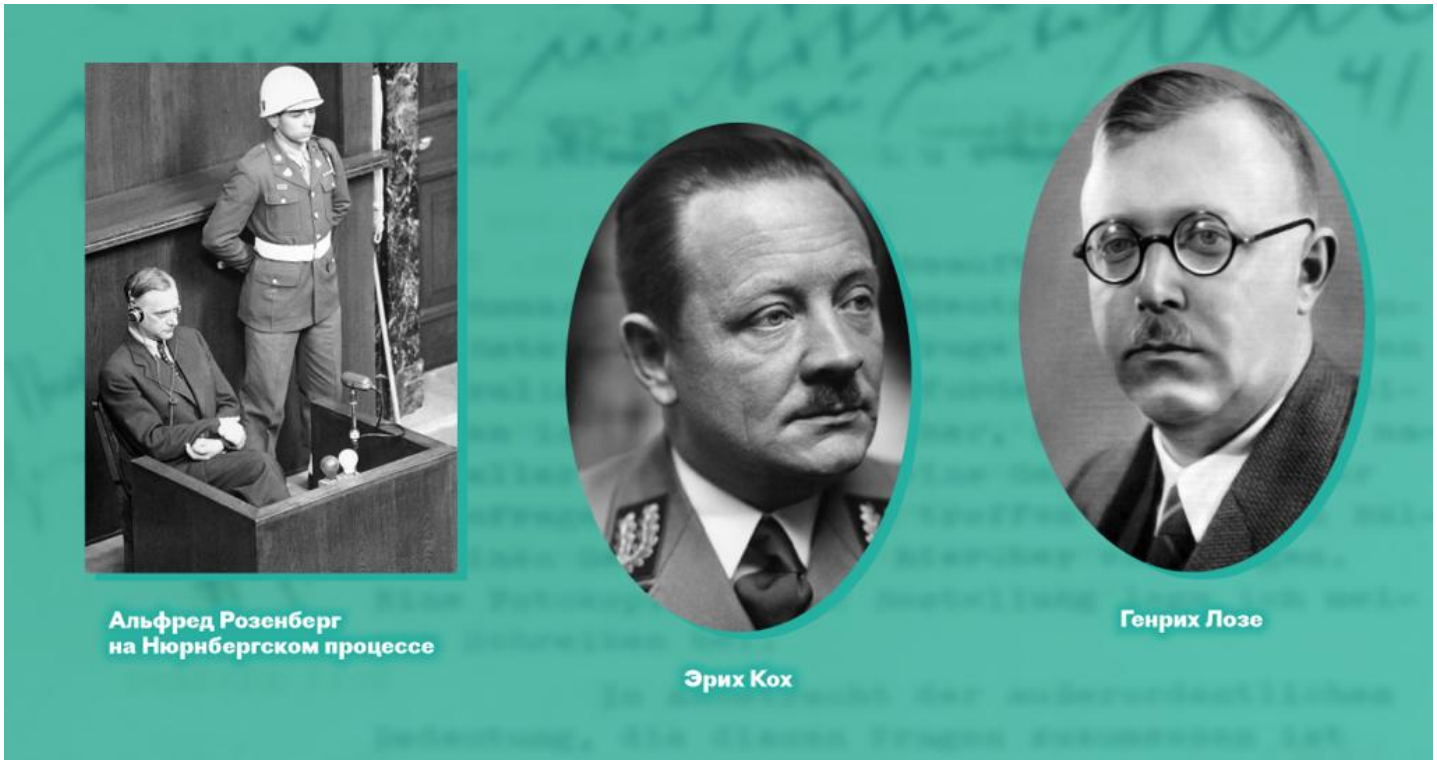
Директивы Гитлера о запрете военнослужащим вермахта оказывать какое-либо содействие возрождению церковной жизни на Востоке последовали не случайно. Во второй половине 1941 года отдельные офицеры и представители германской военной администрации помогали открытию храмов. Чтобы полностью прекратить подобные факты, одного указа оказалось недостаточно, и проявлявший по этому поводу заметное беспокойство Гитлер в сентябре высказал новые дополнительные директивы. Они были изданы вместе с прежними четырьмя директивами 2 октября 1941 года в виде приказов командующих тыловыми областями групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Вскоре со стороны военного руководства в различных инструкциях последовали дополнительные указания, разъясняющие войскам позицию, которую следует занять по отношению к Православной Церкви. Постепенно, хотя и не сразу, эти приказы оказали свое действие, и всякая помощь Церкви со стороны германских войск была прекращена.

В первые месяцы войны с СССР, воспользовавшись тем, что на оккупированной территории еще окончательно не сформировалась гражданская администрация, органы полиции безопасности и СД попытались получить преобладающее влияние на религиозные организации. Это хорошо видно на примере Белоруссии и Украины. Взгляды полиции безопасности и Рейхсминистерства занятых восточных территорий совпадали далеко не во всем. Так, в РСХА начали разрабатываться более долгосрочные послевоенные планы религиозной политики на Востоке. Уже 31 октября 1941 года была издана подписанная Гейдрихом соответствующая секретная

директива. Тотальный расизм этого приказа не оставляет сомнений в судьбе Православия в случае победы гитлеровской Германии. Его стали бы уничтожать, насаждая «новую религию», лишенную многих основных христианских догматов.

Рейхсминистерство занятых восточных территорий подобными планами не занималось. Оно решало более конкретные задачи: «замирение» оккупированных территорий, эксплуатация их хозяйственного потенциала в интересах Третьего рейха, обеспечение поддержки местным населением германской администрации и т.п. Поэтому большое значение придавалось пропагандистской деятельности, и в этой связи очень заманчивым казалось использовать религиозные чувства населения. Именно министерство и его отличавшиеся значительной самостоятельностью рейхскомиссары с конца 1941 года в наибольшей степени определяли практическую церковную политику германских органов власти на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

В своих показаниях 16 октября 1946 года на Нюрнбергском процессе А. Розенберг заявил: «После вступления немецких войск на восточные территории армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений; и когда я был сделан министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ о “свободе Церкви” в конце декабря 1941». Такой указ действительно был составлен Розенбергом, но из-за противодействия влиятельных противников, прежде всего Бормана и лично Гитлера, он никогда не издавался. Разработка основополагающего закона о религиозной свободе на занятых восточных территориях и переговоры о нем продолжались семь месяцев – с октября по начало мая, и в итоге последний 18-й проект был категорически отвергнут Гитлером. Оказался издан в виде самостоятельных указов рейхскомиссаров лишь сокращенный вариант разъяснительных распоряжений к так и не принятому закону.

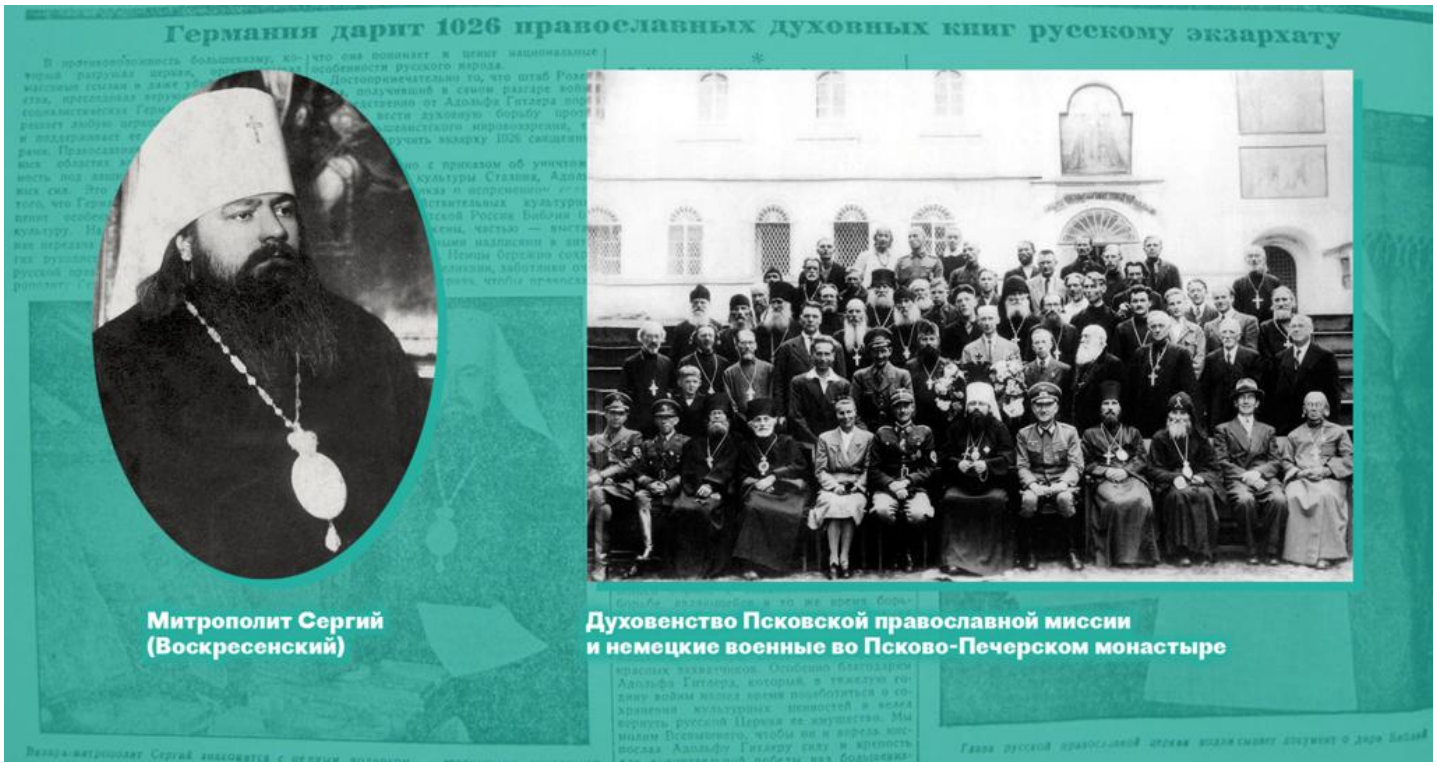

Пик переговоров пришелся на весну 1942 года. К этому времени религиозный подъем заставил особенно серьезно заняться церковным вопросом в России. Следует отметить, что религиозными проблемами вплотную занимался и считал одними из важнейших в деле «управления покоренными народами» лично Гитлер. 11 апреля 1942 года в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: насильственное дробление Церквей, принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов, запрещение «устройства единых Церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий».

Выполняя указания Розенберга, глава рейхскомиссариата Украина (РКУ) Э. Кох 1 июня, а рейхскомиссар «Остланда» Х. Лозе 19 июня издали одинаковые указы, которые ставили все религиозные организации под постоянный контроль германской администрации. Какие-либо упоминания о свободе веры или церковной деятельности полностью отсутствовали, главное внимание уделялось порядку регистрации объединений верующих, им разрешалось заниматься лишь выполнением чисто религиозных задач.

Таким образом, к лету 1942 года направляющая линия германской церковной политики на Востоке была окончательно выработана, причем на основе мнения Партийной канцелярии и личных указаний Гитлера. Всем несогласным с их подходом пришлось уступить. В дальнейшем эта линия существенно не менялась, хотя Рейхсминистерство занятых восточных территорий и командование вермахта периодически пытались различными способами добиться ее некоторого смягчения.

Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, нацисты уже с осени 1941 года поддерживали некоторых православных иерархов на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, которые выступили против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные церковные организации. Правда, рейхскомиссары, хотя и в разной степени, не полностью разделяли эту установку министерства. Х. Лозе относился в Прибалтике терпимо к хорошо организованной Русской Церкви и ее миссионерской деятельности на Северо-Западе России, но не разрешал церковно-административного объединения Прибалтийского экзархата с Белоруссией, где всеми мерами, хотя и без особого успеха, содействовал развитию церковного сепаратизма.

Почти все оккупированные германскими войсками русские области находились в прифронтовой полосе и управлялись военной администрацией, которая во многих случаях в своих практических мероприятиях смягчала нацистскую направляющую линию в отношении Русской Церкви. Особенно благоприятной по сравнению с другими регионами была ситуация на Северо-Западе России, где успешно действовала Псковская Православная Духовная Миссия. Глава Прибалтийского экзархата Московской Патриархии митрополит Сергий (Воскресенский) смог уже в середине августа 1941 года получить разрешение военного командования на создание Миссии и в дальнейшем, вплоть до своего убийства в апреле 1944 года, уделял ее работе значительное внимание. Религиозное возрождение в различных регионах России проходило очень активно и было тесно связано с ростом национального самосознания.

Особая ситуация сложилась на Украине. Германская администрация здесь первоначально активно поддерживала церковных сепаратистов и способствовала созданию автокефальной Украинской Церкви в противовес возникшей на несколько месяцев раньше автономной Церкви в составе Московского Патриархата. Но по мере все большего ухудшения отношений с украинскими националистами, развертывания партизанского движения сторонников С. Бандеры и автокефальная Церковь теряла свое привилегированное положение.

Некоторые изменения в нацистской церковной политике произошли в конце 1943 – 1944 году. Желая противодействовать советской пропаганде, РСХА с согласия Партийной канцелярии выступило инициатором проведения серии конференций православных архиереев, таким образом заметно активизируя церковную жизнь. Первоначально оказалась допущена 8-13 октября 1943 года в Вене конференция иерархов Зарубежной Русской Церкви, отношение к которой с 1941 года было очень настороженным и недоброжелательным. А затем в марте – апреле 1944 года состоялась целая серия подобных конференций: две в Варшаве – епископов автокефальной и автономной Украинских Церквей, в Минске – иерархов Белорусской Церкви и в Риге – духовенства Прибалтийского экзархата Московской Патриархии.

В это же время в Рейхсминистерстве занятых восточных территорий вернулись к своей старой идее поддержки национальных Церквей и прежде всего – созданию единой Украинской Церкви с проведением в перспективе Всеукраинского Поместного Собора и даже избранием Патриарха, причем уже были подобраны две подходящие кандидатуры. К маю 1944 года архиереи как автокефальной, так и автономной Украинской Церквей уже находились в эвакуации в Варшаве. Вообще в 1944 году нацисты развили удивительную для конца войны активность в области церковной политики. Но наступление советской армии вмешалось в планы министерства. Украинских архиереев пришлось спешно эвакуировать из Варшавы в Словакию и далее.

В начале 1945 года, в последние месяцы войны, Рейхсминистерство занятых восточных территорий церковными делами занималось мало. В то же время они продолжали привлекать внимание Партийной канцелярии. Так, 29 января Борман написал министру пропаганды Геббельсу о том, что по поводу выборов нового Московского Патриарха (Алексия I) ни в прессе, ни в радиопередачах не должна высказываться никакая точка зрения. Выборы пытались замолчать, так как для контрпропаганды просто не было аргументов.

Действия нацистов перед отступлением из оккупированных областей – массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийства священнослужителей – говорили об их враждебности Православию. Только в Ленинградской области нацисты уничтожили 44 храма, в Московской – около 50 и т.д. Всего же, согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, они

разрушили и повредили 1 670 православных церквей, 69 часовен и 1 127 зданий других религиозных культов.

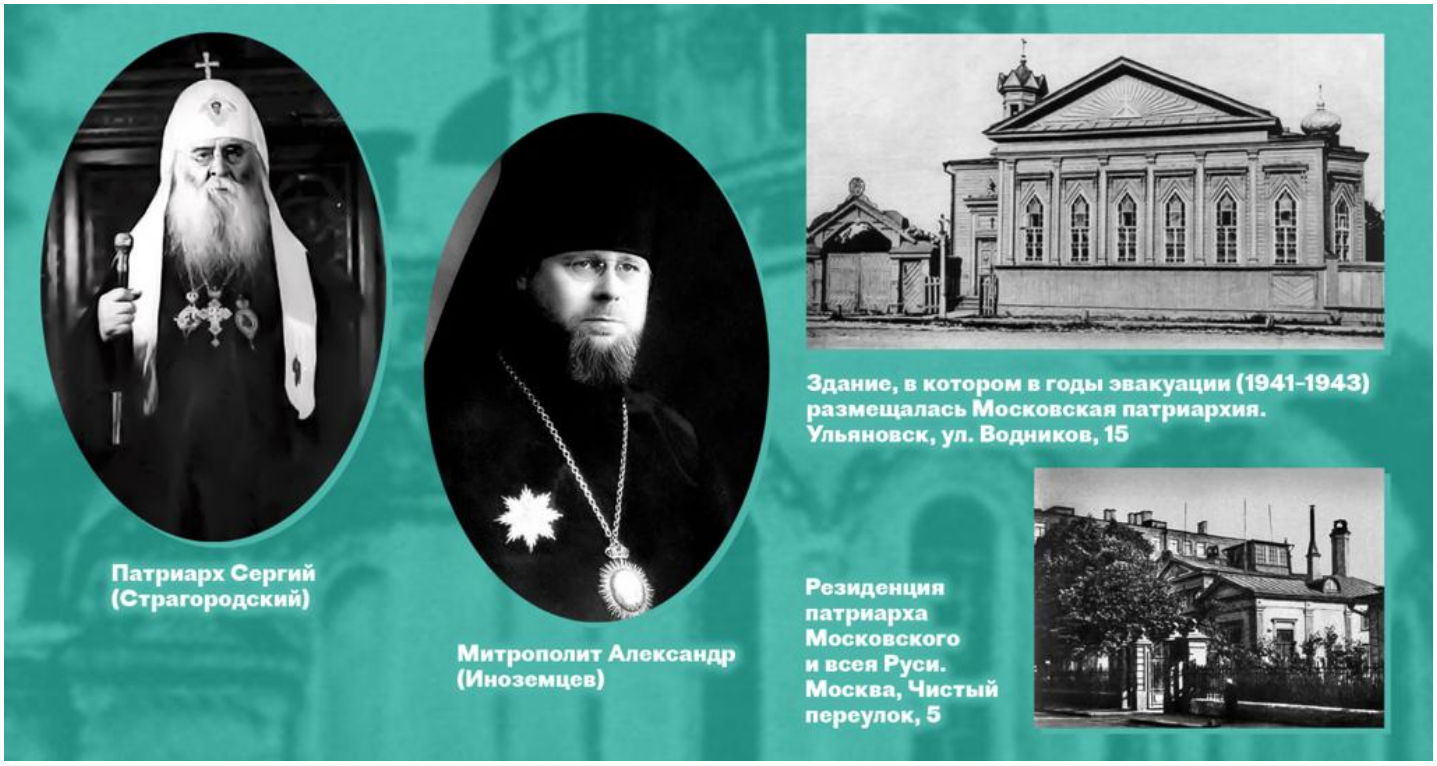
Бурное развитие церковной жизни на оккупированной территории СССР началось стихийно и сразу приняло массовый характер. Нацистская политика сводилась к раздроблению Церкви, использованию ее для помощи немецкой администрации и ликвидации Православия после окончания войны. Стремление к «атомизации» религиозной жизни проявлялось в поддержке иерархов, выступавших против Московской Патриархии. Однако фактически на всей оккупированной территории была восстановлена Русская Православная Церковь, хотя в определенной степени и разделенная на три части. Сепаратистских национальных Церквей нигде, кроме Украины, создать не удалось, да и там за ней пошло меньшинство духовенства и верующих. Не только религиозность россиян, но и Русская Церковь как организация оказалась гораздо более сильной и живучей, чем полагали нацистские власти.

Открывшиеся храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, отсутствия материальных возможностей было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей. Общее их количество равнялось как минимум 9 400. Кроме того, было воссоздано около 60 монастырей – 45 на Украине, 6 в Белоруссии и 8-9 в РСФСР.

Последствия религиозного возрождения на оккупированной территории СССР были очень велики. Несомненно, что оно оказало заметное влияние на изменение религиозной политики

советского руководства в годы войны. Религиозный подъем показал, что преследования и гонения 1920-1930-х годов не смогли уничтожить веры людей и основ приходской жизни.

Религиозная жизнь на оккупированной территории СССР сразу же стала сферой острой идеологической, пропагандистской борьбы между нацистской Германией с одной стороны и советским государством, Московской Патриархией с другой. На первом этапе этой борьбы перевес имела Германия, но затем она стала проигрывать ее. Церковная деятельность в оккупации чем дальше, тем больше контролировалась из Москвы и Ульяновска (резиденции главы Русской Православной Церкви митрополита Сергия (Страгородского) в октябре 1941 – августе 1943 года).

С 1943 года советское командование и Патриархия согласованно перешли к наступательным действиям. Резко активизировались попытки расширить влияние на религиозную жизнь оккупированной территории. И они отчасти удались – были установлены связи с митрополитами Александром (Иноземцевым), Сергием (Воскресенским) и рядом других иерархов. Значительно усилились и пропагандистские акции. В результате в 1943-1944 годах доля сторонников Московской Патриархии среди клира оккупированных областей постоянно росла. И после изгнания нацистских войск подавляющая часть украинских, белорусских, прибалтийских православных приходов относительно безболезненно вошла в ее состав. Еще легче обстояло дело с монастырями. Почти все они и в период оккупации считали себя принадлежащими в каноническом отношении к Московской Патриархии. Таким образом, к концу войны нацистская Германия потерпела поражение не только в военной, экономической области, но и в сфере

религиозной политики.

Источник: https://mospat.ru/ru/authors-analytics/60983/